

11.10.91

Шевченко Г.Г.

Загадки прошлого Работа газета - №6-1991 11 окт.

БЫЛ ЛИ ШЕВЧЕНКО ЧЛЕНОМ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОГО ОБЩЕСТВА?

30 мая 1847 года в Санкт-Петербурге окончилось следствие по делу Кирилло-Мефодиевского общества. С тех пор прошло почти полтора века. За эти годы кто только не брался за изучение исторических материалов. Читая многочисленные публикации на эту тему, приходишь к выводу, что отдельные исследователи знают об этом обществе, его целях и задачах, о членстве в нем Шевченко гораздо больше, чем знали и члены общества, и те, кто проводил расследование, а также сам Шевченко, категорически отрицавший, кстати, на протяжении следствия и всей дальнейшей жизни после ареста, свое участие в нем.

Когда же исторических документов для доказательства не хватало, многие «исследователи» пытались использовать в качестве неопровергимых фактов свои шаткие доводы, построенные на предположениях, желая преподнести их как незыблемые истины.

Советское шевченковедение (работы таких авторов, как Е. Кирилюк, П. Зайончковский, М. Денисенко, Ю. Ковмир, В. Бородин, Г. Сергиенко, Ф. Ястребов, Д. Корсак) утверждает, что Шевченко вступил в это общество осенью 1846 года и был не только активным членом его, но идейным вдохновителем и руководителем революционно-демократического направления.

ТАЙНАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ...

В Московском Центральном государственном историческом архиве в фондах первой экспедиции III отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии за 1847 год хранится дело № 81. Оно состоит из 19 частей. Шестая часть этого дела называется «О художнике Шевченко». В этом деле и находится протокол допроса Шевченко, состоящий из 22 вопросов и ответов. На второй вопрос следователя: «Против вас имеются показания, что вы участвовали в замыслах славянского общества св. Кирилла и Мефодия. Объясните подробно: когда и кем было учреждено это общество, а если предположение об учреждении его еще не приведено в исполнение, то кем и когда были сделаны эти предположения?» Шевченко ответил: «Показания, что я участвую в замыслах Славянского общества, несправедливы». На вопросы 3—12 об уставе, программе, символике, целях и задачах Общества, его замыслах, подготовке народа к восстанию, средствах Общества, распределении ролей среди членов Общества и о его руководителях Шевченко ответил: «Мне совершенно не известны».

На вопрос 13: «Опишите подробно все действия Костомарова, Гулака, Кулиша, а также Белозерского, Навроцкого, Андруэского, Марковича, Посяды, помещика Савича, бывшего профессора Чижова, и других известных вам лиц, каждого особенно, и о каждом все, что знаете, в отношении замыслов Славистов», Шевченко ответил: «С Костомаровым я познакомился в прошедшем году в Киеве, весной: на лето он уезжал в Одессу лечиться, в августе месяце он возвратился в Киев, и я с ним не виделся до декабря месяца, потому что я ездил по поручению комиссии для срисовывания Почаевской Лавры; а 9 января текущего года я опять отлучался из Киева и после того с ним не виделся, переписки с ним не имел, кроме одного письма. Гулака я почти не знал и потому, что виделся с ним всего раза три в Киеве, да проехал с ним от Киева до Борзны, а после того не виделся. С Кулишем я познакомился в Киеве, в 1842 году, весною, во время отлучки моей из Академии, и не виделся с ним до декабря 1846 года в Киеве, переписки с ним не имел, кроме письма, в котором он мне советует поправить некоторые места моих печатных сочинений. Белозерского, Навроцкого, Андруэского и Марковича весьма мало знаю; с Посядой и Чижовым совсем не знаком. Помещика Савича я встречал два раза у Костомарова. Об обществе славянском я никогда ни от кого не слышал ни слова».

Вопрос четырнадцатый: «Правда ли, что славянисты в Киеве вы побуждали к большой деятельности, что в отсутствие ваших некоторых из них охлаждали в замыслах своих, а с возвращением вашего снова приходили в движение; что вы

не знали границ в выражении преступных мыслей и всех монархистов называли подлецами? Ответ: «Неправда, потому что когда я был в Киеве, то всегда был занят рисованием; никогда не выходил и к себе никого не принимал, чему свидетель товарищ мой художник Сажин, с которым я жил постоянно вместе».

На вопрос 15-й: «С какой целью вы сочиняли стихи, могущие возмущать умы малороссиян против нашего правительства; читали эти стихи и разные пасквили в обществах друзей ваших и давали им списывать ones. Не сочиняли ли вы эти стихи для распространения идеи тайного общества и не надеялись ли приготовлять этим восстание малороссиян?» Шевченко ответил: «Малороссиянам нравились мои стихи, и я сочинял и читал их без всякой цели; списывать не давал а был неосторожен, что не прятал».

На следующий вопрос: «Какими случаями доведены были вы до такой наглости, что писали самые дерзкие стихи против Государя Императора и до такой неблагодарности, что сверх великолести Священной особы Монарха, забыли в нем и об Августейшем семействе Его лично ваших благодетелей, столь нежно поступивших при выпуске вас из крепостного состояния?» ответ Шевченко был таков: «Будучи еще в Петербурге, я слышал везде дерзости и порицания на Государя и Правительство. Возвратясь в Малороссию, я услышал еще более и хуже между молодыми и между степенными людьми; я увидел нищету и ужасное угнетение крестьян помещиками, посессорами и экономами шляхтичами, и все это делалось и делается именем Государя и Правительства: я всему этому поверил и, забыв совесть и страхи Божий, дерзнул писать наглости против моего Высочайшего благодетеля, чем довершил свое безумие».

На последний, 22-й, вопрос следователя: «Не известно ли вам, сверх предложенного в предыдущих вопросах еще что-либо о Славистах, их тайном обществе и замыслах», Шевченко ответил, что «сверх всего, что я объяснил, я больше ничего не знаю».

Показания Шевченко были настолько искренни, что ни Попов, старший чиновник III отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, ни надворный советник Нордстрем, ни всегда весьма подозрительный генерал лейтенант Дубельт, ни сам генерал-адъютант граф Орлов не подвергли их сомнению, и после допроса от 21 апреля Шевченко за весь период следствия, которое длилось около двух месяцев, больше не допрашивали.

Архивное дело о Кирилло-Мефодиевском обществе в III отделении именовалось делом «Об украинско-славянском обществе». Часть восьмая этого дела именуется делом «О студенте Андруэском». Нам очень важно исследование этого дела, т. к. из всех членов общества только Андруэский, не считая доносчика, сына жандармского офицера Петрова, утверждал,

что он категорически отбрасывал либерально-реформистскую политику П. Кулиша, Н. Костомарова, В. Белозерского А. Марковича.

Так, в первом томе «Шевченківського словника», подготовленного институтом Литературы АН УССР под редакцией Е. Кирилюка, изданном в Киеве в 1976 году, на странице 294 сообщается, что «В апреле 1846 года в об-во вступил и Шевченко». Доказательств выдвинутого тезиса нет. Далее здесь же отмечается, что в Обществе существовало два направления: либерально-буржуазное (В. Белозерский, Н. Костомаров, А. Маркович, а также П. Кулиш, который принадлежал к либерально-помещичьему лагерю) и революционно-демократический (Н. Гулак, А. Навроцкий, И. Посядя, Д. Пильчиков, Н. Савич, Г. Андруэский). Идейным вдохновителем революционно-демократического направления был Шевченко. В настоещее время эта точка зрения является доминирующей.

Между тем сохранились подлинные исторические источники — мемуарные сведения членов общества и их современников, а также материалы следственного дела. И они, как и другие документы, опровергают утверждения исследователей о причастности Шевченко к Кирилло-Мефодиевскому Обществу.

Что Шевченко был членом общества.

Студент университета Св. Владимира Георгий (Юрий) Львович Андруэский при допросе говорил, что Шевченко был неумеренным представителем Малороссийской партии в Славянском обществе, которое стало своей задачей восстановить гетманщину, лучше отдельно, а если невозможно, то в Славянщине. И именно он показал, что Шевченко всем монархистам называл подлецами; Шевченко побуждал членов общества к более интенсивной деятельности. Далее Андруэский, которому в то время было 19 лет, сообщил, что с отъездом Шевченко из Киева деятельность общества как бы затихала, а с возвращением его оживлялась. Он же показал, что из всех малороссийских гетманов, Шевченко предпочитал Мазепу и на вечерах у Костомарова читал пасквильные стихи. Надо отметить, что допрос Андруэского производился раньше, чем допрос Шевченко. После допроса Андруэского, имевшего место 14 мая 1847 года, 15 мая была произведена очная ставка между Андруэским и Шевченко. Вызвана она была тем, что другие члены общества отрицали причастность Шевченко к нему.

Показания Андруэского еще раз были проверены 21 апреля при допросе Шевченко. И снова Шевченко отрицал свою причастность к Славянскому обществу. Таким образом следствием факт принадлежности Шевченко к обществу установлен не был, более того — была зафиксирована полная непричастность к нему.

Нельзя заподозрить шефа жандармов графа А. Ф. Орлова в особом доброжелательстве и благородном расположении к Шевченко, более того — он мешал другим проявлять доброту к нему. Так, дальняя родственница Орлова княжна В. Н. Репнина отмечает: «Когда Шевченко был арестован, мои дружеские отношения к нему перешли в горячее сочувствие к его окончательному несчастью, и я всячески старалась облегчить его участие».

Всех привлеченных к этому делу Орлов разделяет на три группы:

1. Подлинными членами общества были признаны только Гулак, Костомаров и Белозерский.

2. Лица, приближающиеся к обществу: Навроцкий, Андруэский, Посядя, Савич.

3. Лица, виновные в преступлениях, отдельных от Украинско-Славянского общества — Шевченко и Кулиш. Все остальные, привлеченные к ответственности по этому делу были оправданы. Главным виновником был признан Гулак, который был заключен в Шлиссельбургскую крепость сроком на три года.

Касаясь персональной вины Шевченко, Орлов, докладывая царю, записал: «Художник С. Петербургской Академии Художеств Тарас Шевченко. Этот художник, вместо того, чтобы вечно питать благоговейные чувства к osobam Августейшей фамилии, удостоившим выпуск его из крепостного состояния, сочинял стихи на Малороссий-

ском языке, самого возмутительного состояния. В них он то выражал плач о минимум порабощении и бедствиях Украины, то возглашал о славе Гетманского правления и прежней вольнице козачества, то с невероятной дерзостью изливал клеветы и желчь на Особ Императорского дома, забывая в них личных своих благодетелей. Сверх того, что все защепленное увлекает молодость и людей со слабым характером, Шевченко принял между друзьями своими славу знаменитого Малороссийского писателя, а потому стихи его вдвое вредны и опасны. С любимиими стихами в Малороссии могли посеять и впоследствии укорениться мысли о минимум блаженстве времен Гетманщины, о счастии возвратить эти времена и о возможности Украине существовать в виде отдельного государства. Судя по этому чрезвычайному уважению, которые питали и лично к Шевченко и к его стихотворениям все Украино-Слависты, сначала казалось, что он мог быть если не действующим лицом между ними, то орудием, которым они хотели воспользоваться в своих замыслах; но с одной стороны, эти замыслы были не столь важны, как представлялось при первом взгляде, а с другой — и Шевченко начал писать свои возмутительные сочинения еще с 1837 года, когда славянские идеи не занимали киевских ученых; равно и все дело доказывает, что Шевченко не принадлежал к Украинскому Славянскому Обществу и действовал отдельно, увлекаясь собственной испорченностью. Тем не менее по возмутительному духу и дерзости, выходящей из всяких пределов, он должен быть признаваем одним из важных преступников». И далее Орлов предлагает «художнику Шевченко, за сочинение возмутительных стихов и в высшей степени дерзких стихотворений, как одаренного крепким телосложением, определить рядовым в Оренбургский отдельный корпус с правом выслуги, по ручию начальству иметь строжайшее наблюдение, дабы от него ни под каким видом не могло выходить возмутительных и пасквильных стихов». Интересно, что Орлов в своем до-кладной Николаю I, с которой по свидетельству Дубельта император ознакомился 29 мая 1847 г., предлагал только запрет на писания возмутительных и пасквильных стихов. Николай I на полях собственноручно сделал приписку: «Под строжайший надзор с запрещением писать и рисовать». Воля царя была выполнена. По высочайше утвержденному решению было постановлено: «Шевченко определить рядовым в Отдельный Оренбургский корпус с правом выслуги, под строжайший надзор с запрещением писать и рисовать, и чтобы от него ни под каким видом не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений».

30 мая 1847 года Шевченко был передан военному министру. (ЦГИ М., фонд III отделения № 109, 1 эксп. Д. 81, ч. 1 л. 177—180).

П. КРАПИВА.
[Продолжение следует].